

Цзи Янь никогда не был обычным человеком, и перед ним он всегда с трудом сдерживал свои эмоции. На этот раз Цзи Янь, должно быть, что-то почувствовал.

Он с облегчением и лёгкой грустью подумал, что, кажется, Цзи Янь только что собирался что-то спросить, но по какой-то причине не сказал этого.

После того как Цзи Янь ушёл, он неподвижно смотрел в сторону деревянной двери зала.

Цзи Янь всегда обходился без посторонней помощи, поэтому в зале не было слуг. И Вэнь И, заметив это, каждый раз, когда приходил, оставлял Бифу ждать снаружи.

Таким образом, в комнате часто оставались только они вдвоём, что вызывало у него особое чувство удовлетворения.

Теперь, когда Цзи Янь ушёл, зал внезапно стал казаться пустым, словно потерял свою душу в тот момент, когда Цзи Янь покинул его.

Прошло неизвестно сколько времени, и наконец за дверью послышался шум. Цзи Янь, подбирая полы одежды, тяжело дыша, вбежал внутрь и залпом выпил чашку чая.

— Я еле живой! Быстро! Я засекаю время: четыре минуты тридцать шесть секунд! Это просто рекорд!

Вэнь И не понимал, что означают четыре минуты тридцать шесть секунд, но догадывался, что это какое-то время. Однако это его не волновало. Глядя на капли пота на лбу Цзи Яня, он вдруг почувствовал давно забытое чувство того, что его ценят.

Он был императором, и стоило ему лишь сказать слово, как множество людей готовы были бежать по его поручению. Они искали славы и выгоды, презирали его, но при этом жаждали его внимания.

Но Цзи Янь был другим. Дворец Линьсянь, Байлу, Гуюй, золото — всё это он навязывал ему, но Цзи Янь, казалось, никогда ничего не хотел получить от него.

— Янь Янь, что ты только что принёс?

Услышав это, Цзи Янь слегка улыбнулся, и на его милом лице появилась хитринка.

— Император хочет узнать?

Вэнь И честно кивнул.

— Тогда закройте глаза и протяните руку, хорошо...

Цзи Янь не успел закончить фразу, как Вэнь И уже послушно выполнил просьбу.

Это был первый раз, когда Цзи Янь видел Вэнь И с закрытыми глазами, и он на мгновение замер.

Глаза Вэнь И не были большими, но их форма и размер были идеальными. Когда он смотрел в сторону, в его взгляде была некая отстранённость, но когда он смотрел на него, глаза всегда светились, словно искрясь. Теперь, с закрытыми глазами, он казался ещё более нежным.

Цзи Янь внезапно вспомнил, как Вэнь И смеялся под закатом солнца.

Если бы не игра судьбы, он, возможно, был бы солнечным и чистым юношей.

Сдерживая желание обнять его, Цзи Янь положил подготовленный подарок на ладонь Вэнь И.

— Можете открыть глаза.

Цзи Янь увидел, как Вэнь И открыл глаза, сначала посмотрел на него, а затем перевёл взгляд на свою ладонь.

Это была маленькая коробочка, холодная, как железо, размером с ладонь. На передней части была изображена жёлтая пухлая медвежонка, одетого в красную одежду, похожую на ту, что был на Цзи Яне в тот день, и держащего в лапах банку мёда. Все линии изображения были слегка выпуклыми, и на ощупь это создавало особую текстуру.

Это был первый раз, когда Вэнь И видел настолько реалистичное изображение, явно неземного происхождения.

— Что это?

Движения Вэнь И были осторожными, и он не издал ни звука. Цзи Янь с лёгкой болью в сердце взял железную коробочку и слегка потряс её.

Под звон, раздававшийся из коробочки, Вэнь И услышал:

— Это конфеты.

Затем Цзи Янь открыл маленькую круглую крышку на коробочке, высыпал розовую конфету и сунул её в рот Вэнь И.

Цзи Янь смотрел на него, его круглые глаза, похожие на абрикосы, были полны ожидания.

— Сладко?

Глядя на такого Цзи Яня, Вэнь И ясно чувствовал, что он стал ближе к нему.

Его мать ушла десять лет назад, и с тех пор он не ел конфет.

Теперь сладость разливалась у него во рту, и Вэнь И мгновенно покраснел.

— Сладко.

Естественно, сладко.

В этом мире, пожалуй, не было конфет слаще этих.

После ужина Вэнь И снова отправился в Зал Янсинь. Бифу был спокоен: в последнее время ситуация в Цзяннане становилась всё хуже, и Вэнь И каждый день был завален докладами, которые вызывали у него головную боль. Только когда он приходил к Цзи Яню, его настроение немного улучшалось.

Цзи Янь стоял у дверей зала с Цзи Пинъанем, и когда Вэнь И ушёл, Цзи Пинъань потянул его за рукав.

— Братец, ты сказал, что научишь меня чему-то новому. Что это?

— Скоро узнаешь.

Цзи Пинъань уже месяц жил во Дворце Линьсянь, каждый день его кормили различными целебными блюдами, и теперь он заметно поправился.

Как и предполагал Цзи Янь, Цзи Пинъань стал ещё более красивым. Было ли это его воображением, но ему казалось, что Цзи Пинъань даже немного подрос.

Самое главное, что Цзи Пинъаню теперь было десять лет, и он целыми днями бегал за ним без дела. Пора было серьёзно чему-то учиться.

Как современный и прогрессивный родитель, Цзи Янь очень серьёзно относился к развитию интересов ребёнка.

— Пинъань, ты хочешь заниматься литературой или боевыми искусствами?

— Боевыми искусствами.

Цзи Пинъань ответил без колебаний, словно уже давно решил.

— Если ты будешь заниматься боевыми искусствами, ты всё равно должен уметь читать и считать. Если ты выберешь литературу, ты не должен быть слабым.

Здесь Цзи Янь, сам будучи слабым, почувствовал себя неловко.

— Поэтому я спрашиваю тебя, хочешь ли ты заниматься литературой или боевыми искусствами, чтобы ты выбрал приоритет, а не полностью сосредоточился на чём-то одном.

Услышав это, Цзи Пинъань улыбнулся.

— Пинъань понимает.

Убедившись, что Пинъань действительно понял, Цзи Янь повёл его в задний двор западного крыла.

Отправив слуг, Цзи Янь серьёзно сказал Цзи Пинъаню:

— Раз ты выбрал боевые искусства, то сегодня я научу тебя уникальной технике клана Цзи!

Цзи Пинъань с грохотом опустился на колени, что испугало Цзи Яня.

— Что ты делаешь? Я никогда не заставлял никого становиться на колени!

— Пинъань будет усердно изучать и не подведёт уникальную технику клана Цзи!

Цзи Янь нервно дёрнулся, поднял Цзи Пинъаня и, поглаживая его по голове, смущённо сказал:

— Пинъань, это всего лишь небольшой комплекс упражнений для укрепления тела. Не стоит так серьёзно.

В конце концов, третья национальная гимнастика для школьников — «Танцуй с юностью» — тоже не была техникой, способной покорить мир боевых искусств...

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь; два, два, три, четыре, пять, шесть, семь,

восемь; три, два, три, четыре...

Цзи Янь до сих пор помнил этот комплекс, который он делал двенадцать лет, но на обучение ушло больше часа, и к концу дня уже стемнело. Байлу пришла позвать их обратно в главный зал, чтобы они помылись, и только тогда они закончили.

Возможно, из-за усталости, в эту ночь Цзи Янь спал очень крепко, и когда Диндон разбудил его на следующее утро, он был сонным, словно не выспался.

Поскольку Пинъань теперь должен был серьёзно учиться, Цзи Янь договорился с ним накануне вечером, что если он хочет заниматься боевыми искусствами, то должен стараться расти, поэтому с сегодняшнего дня Пинъань не сможет рано вставать и идти с ними продавать баоцзы.

Цзи Пинъань, хоть и не хотел, но послушно согласился.

Они уже продавали баоцзы вчера, поэтому процесс был знаком, и ровно в седьмой час утра они открыли лавку. Количество баоцзы было таким же, как и вчера.

Поскольку вчера они уже заявили о себе, сегодня баоцзы продавались особенно хорошо. Как только они открыли лавку, снаружи уже толпилось множество слуг, некоторые с книжными сумками за плечами, явно слуги какого-то молодого господина из Гоцзыцзяня.

— Открыто!

— Я уже чувствую аромат баоцзы! Дайте мне два с мясом и овощами!

— Мне пять с кислой капустой и пять с мясом!

...

Снаружи стоял шум, и Цзи Янь был немного удивлён. Хотя он и ожидал, что сегодня продажи будут лучше, чем вчера, он не думал, что на второй день будет такой успех.

— Выстройтесь в три ряда, так будет справедливо для всех, по принципу «кто первый пришёл».

— Какие очереди! Хозяин, я тороплюсь! Мой господин ждёт!

Но он не успел договорить, как другие уже заняли первые места в очереди.

— Что за важность, только твой господин ждёт?

— Хозяин сказал, по принципу «кто первый пришёл», что ты тут лезешь вперёд?

...

Если бы не внушительный вид Гуюя, который явно выглядел как человек, с которым лучше не связываться, некоторые могли бы устроить скандал.